

Жертвы коалиции

Берлинъ, 29 января.

Въ то время, какъ во Франціи социалистическій съездъ, — правда, почти пополамъ расколотившись, — подтвердилъ отказъ отъ участія въ правительственной коалиціи съ буржуазными партіями въ Германіи, наоборотъ, поставленъ на очередь вопросъ о преобразованіи прусскаго правительства включеніемъ въ его составъ представителей народной партіи. Несмотря на то, что и нынѣшняя коалиція изъ трехъ партій (центра, демократовъ и социаль-демократовъ) обезпечена большинствомъ въ Ландтагъ, вопросъ о расширеніи базы правительства поднимался уже неоднократно, но практическихъ результатовъ переговоры не давали. Новая попытка привести переговоры къ благополучному концу предпринята въ условіяхъ, какъ будто не благоприятныхъ, потому что такая коалиція изъ 4-хъ партій, существующая въ правительствѣ Reich'a, считается, по общему мнѣнію, обреченной на распадъ, какъ только «заключительный протоколъ» гаагской конференціи будетъ ратифицированъ Рейхстагомъ.

Это видимое несоотвѣтствіе моменту и послужило, вѣроятно, основаніемъ для оживленной полемики, поднявшейся въ германской печати. Правыя газеты, оппозиціонныя правительству, усматриваютъ въ повторныхъ усиліяхъ расширить правительственную базу въ Пруссіи желаніе такимъ способомъ укрѣпить коалицію въ Reich'ѣ и, конечно, вслѣдствіе стараются помѣшать осуществленію этого намѣренія и связанныхъ съ нимъ надеждъ. Но болѣе ожесточенная полемика ведется между газетами, обычно близкими между собой по своимъ политическимъ и социальнымъ взглядамъ и поддерживающими нынѣшнюю коалицію. Poleмика вызывается тѣмъ, что преобразование кабинета связано съ личными перемѣнами въ составѣ, поскольку распредѣленіе портфельныхъ нужно уже производить не между тремя, а четырьмя партіями. Перераспредѣленіе совершается подъ знакомъ реального соотношенія силъ, опредѣляемого количественной пропорціей, т. е. численными составомъ входящими въ составъ коалиціи фракціи Ландтага. И тутъ выясняется «вопиющая несправедливость»: демократы, насчитывающіе только 21 депутата, имѣютъ трехъ ми-

нистровъ, а соц. - демократическая фракція, состоящая изъ 137 человекъ, довольствовалась двумя членами кабинета. Но теперь сна требуютъ замѣны министра просвѣщенія и искусствъ д-ра Беккера своимъ кандидатомъ — народнымъ учителемъ Кенигомъ и уступки представителю вновь привлекаемой фракціи занимаемаго демократическимъ депутатомъ поста министра торговли. Потери демократовъ предположено возмѣстить предоставленіемъ ихъ представителю должности обер-президента одной изъ крупныхъ прусскихъ провинцій.

Противъ такого количественнаго уравновѣшенія энергично возстала авторитетная газета «Berl. Tag», доказывая, что количеству нельзя приносить въ жертву качество и изъ-за партійныхъ расчетовъ удалять министровъ, оказавшихся весьма полезными на своихъ постахъ. Соц.-демократы тоже не отрицаютъ значенія этого взгляда въ государственномъ управленіи. Такъ, на дняхъ, соц. - демократическій министръ внутр. дѣлъ отказался утвердить избраннаго соц.-демократическимъ коммуниста въ обер-бургомистры, потому что на первомъ планѣ должны стоять интересы населенія. Но по отношенію къ составу министерства центральный социаль-демократическій органъ категорически настаиваетъ на преимущественномъ значеніи цифровыхъ соотношеній и рекомендуетъ демократамъ отказаться отъ иллюзіи, что имѣя самую маленькую фракцію, они вправе притязать на пожизненное обезпеченіе имъ министерскихъ постовъ. Дѣйствительно, пусть д-ръ Беккеръ будетъ the right man on the right place, но вѣдь известно, что къ кабинету специалистовъ парламентскій режимъ прибѣгаетъ лишь въ крайнемъ случаѣ, когда несмотря на всѣ усилія, партійнаго соглашенія о распредѣленіи портфельныхъ достигнуть не удается.

Новая попытка преобразования прусскаго кабинета врядъ ли имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ всѣ предыдущія. Но если она и окажется болѣе удачной и если даже она дастъ столь необходимое укрѣпленіе коалиціи въ Reich'ѣ, — все же эта полемика, густо окрашенная партійнымъ и личнымъ налетомъ, не останется безъ вліянія на судьбы парламентаризма, который именно въ настоящее время требуютъ заботливости и опасливаго вниманія.

Тихоокеанская конференция

(Письмо изъ Канады).

Въ Киото, въ Японіи, въ концѣ прошлаго года происходила 2-я Конференція Института Тихо-океанскихъ взаимоотношеній («Institute of Pacific Relations»). Европейская печать мало обратила на нее вниманія, между тѣмъ вопросы, затронутые тамъ, имѣютъ серьезнѣе значеніе для Россіи, въ частности для Сибири.

Организація Тихо-океанскихъ Конференцій отличается отъ конференцій известнаго Института въ Вильямстоунѣ (Массачусетс), въ которыхъ принимаютъ участіе специалисты всего міра по международному праву, исторіи и политикѣ. Журналъ Совѣта по иностраннымъ дѣламъ этой конференціи — «Foreign Affairs» завоевалъ общее вниманіе и является несомнѣнно лучшимъ и очень авторитетнымъ. Другая періодическая конференція — «Панъ-американскаго Союза» члены коей назначаются правительствами, носитъ официальный характеръ (последнее засѣданіе было въ Гаваннѣ въ 1928 году). Интересующая насъ Тихо-океанская конференція имѣетъ характеръ полу-официальный, въ составъ своемъ числа представителей науки, финансовъ, промышленности, желѣзныхъ дорогъ и судоходства, телеграфа и радио-телеграфа. На этой Конференціи представлены всѣ страны Тихо-океана. СССР согласился на нѣхъ участвовать, но представителей своихъ не присылаетъ. Инициатива организаціи Тихо-океанскихъ конференцій принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ. Институтъ конференцій преслѣдуетъ цѣли изслѣдованія, демонстраціи и обученія. Во главѣ Американскаго Комитета стоитъ извѣстный председатель фонда Корнеги — проф. Эдвардъ J. T. Shotwell и профессоръ-педагогъ W. H. Kilpatrick; въ Японіи — литераторъ Кагава. Первая изъ Конференцій состоялась въ Гонолулу, на Гавайяхъ, въ 1927 году. Официальнымъ органомъ Тихо-океанскихъ Конференцій является издающійся въ Гонолулу ежемѣсячникъ «Pacific Affairs». Подготовительная работа къ Конференціи 1929 года въ Киото лежала на директорѣ отдѣла изслѣдованій Dr. I. V. Condliffe и освѣщена въ его статьѣ: «An Experiment in Diagnosis».

Обширная программа работъ Конференціи въ Киото затронула главнымъ образомъ, интересы Китая Японіи и С. Штатовъ.

Въ программу были включены слѣдующіе вопросы, касающіеся Маньчжуріи: а) характеръ и объемъ политическихъ правъ Японіи въ Маньчжуріи, б) право Японіи прислаивать введеніе китайскихъ войскъ, поддерживающихъ различныя политическія группы, въ цѣляхъ предохраненія Маньчжуріи отъ гражданской войны, в) право Японіи на постройку ряда желѣзно-дорожныхъ линій въ Маньчжуріи, г) вопросы, связанные съ фактической японской монополіей по вывозу с.-х. продуктовъ изъ

Маньчжуріи черезъ портъ Далинъ. Среди предметовъ проработки непосредственно Россіи отмѣтитъ: а) проблема Востока, б) рѣшеніе Муньчжунскаго вопроса о предоставленіи права на продолженіе линіи Таоананъ ж. д. къ сѣверу отъ линіи Восточной ж. д., до р. Амуръ.

Не останавливаясь здѣсь на общезвѣстной, отмѣтимъ, что сѣверной вѣтки Таоананской ж. д., несмотря на протестъ Советскаго Правительства. Права, теперь въ рукахъ китайскихъ группъ инженерныхъ системъ (вѣрнѣе Южно-Маньчжунскихъ) на постройку дороги отъ Цицикару, наноситъ колоссальныя трудности, а является угрозой Дальняго Востока. Японскія вѣтки отъ Сунпингана (Ю.-М. Таоананъ, Тайланъ къ Цинцикару) мыши зашли очень глубоко въ бину съ запада. Они уже захватили значительную часть грузовой торговли на югъ, во вредъ Владивостоку. Проведеніе дороги отъ Владивостока, по стратегическаго значенія, на грузообороту по р. Амуръ, югъ сырья Хейлунганской провинціи, б. м. и съ нашей стороны.

Слѣдующимъ интереснымъ вопросомъ программы былъ вопросъ о тарифахъ по р. Сунгарь и Амуръ.

Къ числу же русско-японскихъ проблемъ, стоявшимъ на повѣстѣ дня, относятся: 1. Общій интересъ «русскихъ интересовъ» въ 2. Тарифы Восточно-Китайской Маньчжурской ж. дороги; 3. Капиталистическіе интересы въ С.-М. Харбинѣ и въ части Гиринь-Корейской иммиграціи въ Маньчжурію; 4. Права японцевъ на побережьи Камчатки и во Владивостокѣ японцами сибирскими.

Уже изъ этого далеко не исчерпаны вопросы программы. Является тенденція Японіи къ своему ближайшему, нынѣшнему сосѣду-Россіи. Нужно считать, что Советское Правительство не присутствовало, что послужило заинтересованная отъ фальшивыхъ представителемъ легатовъ Советскаго Кремля, собиравшихъ статью на точку зрѣнія интересовъ Россіи. Договоры Китая, касающіеся Востока ж. д., является тому лучшимъ примеромъ.

О БУНИНѢ

„Грамматика любви“

«Грамматика любви или искусство любить и быть взаимно любимымъ» — называлась книжечка «крохотная, прелестно изданная почти 100 лѣтъ тому назадъ». Вся она состояла изъ изящныхъ тонкихъ, овѣянныхъ ароматомъ своего вѣка сентенцій, и первая изъ нихъ гласила: «любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни...» Эту сентенцію съ гипнотизирующей убѣдительностью и суровой увлекающей силой подтверждаетъ не только первый рассказъ, давній названіе всей посвященной любви книгѣ Ив. Бунина. Любовь у Бунина «не есть простая эпизода» уже потому, что въ семи изъ десяти рассказовъ сборника зримо или потаенно присутствуетъ смерть. Въ трехъ остальныхъ, гдѣ тѣнь отъ крыла смерти не распростерлась рядомъ съ ослѣпительнымъ свѣтомъ любви, гдѣ любовь поражаетъ лишь короткимъ, опаляющимъ солнечнымъ ударомъ или проходитъ смутнымъ видѣніемъ души, борющейся съ собственнымъ угасаніемъ, — у человека ее пережившаго все же остается ощущение «страшнаго одиночества, страшной пустоты міра», или онъ вдругъ чувствуетъ себя «постарѣвшимъ на десять лѣтъ...»

Сама по себѣ любовь не является непосредственной предпосылкой смерти. Ея появленіе съ безусловной неизбежностью и психологической неотразимостью какъ будто вызывается внѣшнимъ развертываніемъ сюжета. Но у героев Бунина любовь всегда наивысшее, предѣльное напряженіе вѣхъ отчужденныхъ человѣку душевныхъ силъ, та послѣдняя грань упоенія радостью жизни, за которой начинается срывъ въ небытіе. Въ періодъ свѣтлой одержимости

любовью человекъ мучится не только жалкой вобрать въ себя весь міръ, но и отдать его вмѣстѣ со своей жизнью такому же смертному и хрупкому созданію, какъ и онъ самъ. И когда это слабое существо, ставшее вдругъ единственнымъ въ мірѣ, уходитъ, не приемлетъ дара или его освернѣетъ, тогда за этимъ даромъ безшумно протягиваетъ руку смерти, необыкновенно чуткая къ такимъ минутамъ, пристально и незамѣтно слѣдящая за человѣкомъ.

Объ этомъ рассказано въ «Легкомъ дыханіи», гдѣ на шести страницахъ сконцентрировано столько цѣломудренно-суровой жизненной правды, содержащей полного трагизма, поэзіи и красоты, что ихъ хватило бы на большую поэму. Смерть погасила радостные, безсмертно сіявшіе глаза 16-лѣтней гимназистки, потому что въ минуту, когда весь міръ въ своей невыразимой красотѣ до крови переполнялъ душу, ея опьяненіе и порывъ были разрушены нелѣпой стихійной жестокостью жизни. Остался глиняный бугоръ и дубовый крестъ, повергающіе классную даму Оли Мещерской въ изумленіе, граничащее съ тупостью: еще совсемъ недавно она подслушала бесѣду о томъ, «какая красота должна быть у женщинъ», вычитанную Олей Мещерской изъ «старинныхъ смѣшныхъ книгъ...» «Тонкій станъ, длиннѣе обыкновеннаго рука... Пока ты, но высокая плечи... Но главное—знаешь ли что? — легкое дыханіе! А вѣдь оно у меня есть — ты послушай, какъ я вздыхаю — вѣдь, правда, есть?...» Это легкое дыханіе во всей своей несказанной живописности навсегда сохранилось въ скупыхъ строкахъ Бунина. Смертью только ужъ не собственной, а чужой, кончается аналогичный порывъ сверстницы по возрасту кре-

стьянки Парашки («При дорогѣ»). — «Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ немъ нѣтъ».

Иногда человекъ надломленный любовью спасаетъ свою жизнь, но какой страшной цѣной! Хвощинскій, который «слылъ въ уездѣ за рѣдкаго умицу», когда умерла «загадочная въ своемъ обаяніи Лужка», отказался осознать ея смерть и превратилъ двадцать лѣтъ самой обиденной прежде жизни въ «экстатическое житіе»... «Именемъ какимъ его назвать?... Ни сонъ оно, ни бдѣніе, — межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ съ безуміемъ граничить разумнѣе...» Какъ всегда у Бунина неустранимая и неискупаемая скорбь человѣческаго существованія смягчается сознаніемъ единства безначальнаго и безконечнаго міра, въ своемъ цѣломъ смерти не знающаго. «Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее... Вошла она навсегда въ мою жизнь» говоритъ «нѣкто Ивлевъ» никогда не знавшій ни Хвощинскаго, ни умершей Лужки, «чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ». Теперь этотъ образъ, облеченный въ нетлѣнную ткань бунинскаго повѣствованія становится подлинно безсмертнымъ.

Любовь въ своихъ истокахъ есть сокровеннѣе воспоминаніе. Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невесту, и увидавъ Ясодхару... сказалъ — вспомнила ее душа моя!.. На ней было въ тогъ депъ черное-золотое покрывало и царевичъ взглянул и сказалъ: «Потому черно-золотѣ покрывало на ней, что мірады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я валялъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя!..» Независимо отъ возможности такой вторичной прекрасной и мучительной, «священнѣйшей въ мірѣ» встрѣчи наступаетъ лишь въ моментъ полного омертвѣнія души. («Въ ночномъ морѣ»).

Въ изображеніи буржуазнаго болѣзненно острой жажды ставящейся равныхъ въ мировой литературѣ двухъ его разсказахъ («Сынъ и нѣкоторой внѣшней сухости не ступаетъ почти пугающая чуждость въ тѣ движенія человека, которые кажутся улиткой оформленію словомъ. Это твердое одолѣніе тѣмъ болѣе изумительное мастерство Бунина органически отказывается отъ строгой чеканки и сверкающей ясности образовъ бодрствующаго тончайшаго творчества»).

Что сказать объ авторѣ любви? Книга свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ такой высокой произведеніе какъ бы отдѣляющей ра, начинается жизнь собственнаго входить въ сокровищницу мѣтроды, какъ довлѣвающая сѣбяльность. Ее можно изучать, но расточать похвалы творцу наивнымъ и даже нѣсколько

На красныхъ ла

Пушкина немало насмѣшливо-получный критикъ, который строкъ «На красныхъ лапкахъ мой, задумавъ плыть по лону бокомысленно замѣтилъ, что лапкахъ далеко не улыбаясь этимъ зонломъ чрезвычайнаго складу и направленію мысли сѣбя Эйсеръ, напечатанный въ номерѣ журнала «Воля Россіи» своей молодой заносчивостью которой онъ силится доказать — не поэтъ, что стихи у него грациозны, бѣдные по формѣ